

IV. Русская культура на переломе (Интервью Марины Рахмановой и Ирины Зиминой. Ред. Леонида Люкса и Алексея Рыбакова) – Часть первая

После крушения коммунизма русская культура освободилась от государственной опеки. В то же время она в значительной мере лишилась и государственной поддержки, которую советский режим оказывал ей при условии ее политической благонадежности. В современной переходной ситуации можно наблюдать значительное разнообразие конкурирующих культурных моделей. Советские стереотипы конфликтуют со старыми русскими традициями, каковые в свою очередь сталкиваются с постмодернизмом. Вновь обретенная свобода означает вместе с тем отсутствие гарантий и неуверенность в будущем. Неудивительно, что многие русские деятели культуры колеблются между ощущением нового начала и ощущением конца, если не краха. Все эти тенденции отразились в интервью с тридцатью ведущими представителями русской культуры, которые московские публицистки Марина Рахманова и Ирина Зиминая провели несколько лет тому назад для сборника «Русская культура на переломе. 30 точек зрения», который был опубликован в 2004 году под редакцией Леонида Люкса и Алексея Рыбакова в кёльнском издательстве Böhlau¹. Редакция благодарит издательство за разрешение опубликовать эти интервью в нашем журнале.

(Редакция)

---

¹ Russische Kultur im Umbruch: 30 aktuelle Positionen (Русская культура на переломе: 30 точек зрения). Interviews von Marina Rachmanova und Irina Zimina / Ed. Leonid Luks, Alexei Rybakov (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Vol. 42). Köln, 2004.

Леонид Люкс

Введение: тоска по «серебряному веку»

На исходе 20-го века в России произошел один из самых великих переворотов в ее истории. Одна из величайших империй из всех, когда-либо существовавших в мире, рухнула сама по себе, без видимого внешнего воздействия. Это событие века произошло, в отличие от краха царской монархии, без длительного пролога², практически в одночасье, и поэтому оно до сих пор, как на Востоке, так и на Западе, потрясает умы, тщетно бьющиеся над его разгадкой и оценкой его последствий.

Этим же заняты и представители российской интеллектуальной элиты, чьи интервью представлены в этом сборнике: известные деятели культуры, писатели и ученые. Они анализируют состояние российской культуры после затянувшегося на 74 года коммунистического эксперимента, вместо обещанного «светлого будущего» заведшего страну в тупик.

Из-за того, что большевики подавляли многие спонтанные процессы, в стране сейчас широко распространено стремление к восстановлению искусственно прерванной нити развития. Чтобы лучше ориентироваться в хаотичной, зачастую причудливой реальности постсоветского периода, многие российские интеллектуалы ищут стимулы и образцы в досоветском прошлом. Особое очарование исходит при этом от культуры эпохи петербургского «серебряного века» на рубеже 19-го – 20-го веков. Почти все авторы, отвечавшие на вопросы интервьюеров, испытывают сильное влечение к той эпохе, некоторые из них даже хотели бы «вторично войти в ту же реку». В этом нет ничего удивительного. К началу 20-го века в России произошел настоящий творческий взрыв, накапливавшийся еще с пушкинских времен. Однако «серебряный век» придал многим более ранним тенденциям новый неожиданный поворот. Например, утратил свою остроту старинный российский спор между западниками и славянофилами, вообще противопоставление Востока и Запада как таковое; незримая, но глубоко укорененная в умах культурная стена между Западом и Востоком стала прозрачной. Русская литература, музыка, живопись, философия, впитавшие в себя бесчисленные западные импульсы, начали теперь в свою очередь оказывать на Запад свое вдохновляющее воздействие, причем гораздо сильнее, чем во времена Пушкина («золотого века» русской культуры). Томас Манн говорил в 1903 г. о «достойной поклонения ... священной русской литературе»³.

² «Сто лет русское общество грозило монархии революцией», – писал в 1927 году Марк Алданов, – «Быть может, Николай и не верил предупреждениям оттого, что их было так много». Цит. по: Московские новости. 27 сентября 1992. С. 21.

³ Mann, T. *Gesammelte Werke in 13 Bänden*. Frankfurt am Main, 1990. Vol. 8. P. 300.

В культуре «серебряного века» состоялось не только примирение между Востоком и Западом, но и новое открытие Востока. Православие, лежавшее в основе своеобразия русской культуры, рассматривалось русской интеллигенцией 19-го века, не считая немногих исключений, как ненужный балласт, как пережиток прошлого. Но в Петербурге конца 19-го и начала 20-го века оно вдруг предстало в новом блеске. Религиозно-философский ренессанс того времени свидетельствует о том, что особенности православия вполне могут сочетаться с ценностными представлениями западной культуры, что обе части христианской Экумены существенно зависят друг от друга.

Тот факт, что «серебряный век» сошел с исторической сцены не потому, что он внутренне себя исчерпал, а был насильственно прерван, увеличивает его притягательность в глазах позднейших поколений. Здесь не досказана до конца захватывающая история, лишь отчасти реализован почти безграничный творческий потенциал. В этом коренятся причины нынешних попыток вновь связать нить исторического развития в той точке, где она насильственно оборвалась в 1917 году.

Многочисленные представители петербургской элиты, вынужденную эмиграцию которых историк культуры Владимир Вейдле называет своего рода «изгнанием варягов»⁴, теперь посмертно возвращаются в Россию и нередко, после свержения марксистских идиологов, возводятся на опустевшие пьедесталы как новые «непогрешимые» авторитеты. На самом деле Н. Бердяев, С. Франк, П. Струве, Ф. Степун, Г. Федотов, С. Булгаков и многие другие не заслужили такой судьбы. Ибо они, в противоположность советским функционерам от культуры, постоянно пребывали в поисках истины и никогда не питали иллюзий о том, что им удалось найти ответы почти на все насущные мировоззренческие вопросы. Провинциальность советского искусства и культуры, на которую жалуются почти все авторы сборника, была не в последнюю очередь обусловлена официально предписанным постулатом истины. Эту провинциальность советское искусство не могло преодолеть даже за счет своей монументальности. В этой связи интересно суждение Владимира Сорокина о сталинском киноискусстве, высказанное в данном сборнике. Он говорит, что фильмы сталинской эпохи были ярким и оригинальным явлением. Но их своеобразие сопоставимо со своеобразием культуры где-то «в Африке», где она, подобно сталинскому искусству, тоже развивается вне всякой связи с общечеловеческим культурным дискурсом.

Формирование сталинского культурного канона было итогом длительного процесса. Ему предшествовал период, когда советский тоталитаризм еще только искал самого себя. Это была в высшей степени амбивалентная эпоха, когда террор и терпимость, авангардистское увлечение экспериментами и бетонный язык партийных декретов существовали параллельно. Как оценивают этот отрезок времени – первое советское десятилетие – те, кто давал интервью для сборника? Для одних это период наивысшей продуктивности русской культуры. Руководитель издательства «Ad Marginem» Александр Иванов считает, что Москва в то время

---

⁴ Вейдле, В. *Задача России*. New York, 1956. С. 81.

являлась центром мировой культуры. Когда Александр Родченко, график, художник и фотограф, в 1925 году приехал в Париж, у него возникло впечатление, что он из столицы попал в провинциальный город.

Но художественный авангард, овладевший советской культурной сценой 20-х годов, которым так восхищается Александр Иванов, постепенно сделался инородным телом в большевистском государстве. Свойственная ему радость эксперимента и лихорадочный поиск новых средств выразительности не сочетались с косными структурами тоталитарного режима. Стремление большевистского руководства к огосударствлению общества, экономики и партии неизбежно должно было распространиться и на культуру, что в конце концов и произошло после победы сталинской фракции в борьбе за ленинское наследие. Таким образом, сталинскому режиму удалось достичь того, к чему прежде тщетно стремились царская автократия, а вслед за ней и ленинское руководство: добиться конформного поведения подавляющего большинства российских интеллигентов. «Светлое будущее», к которому партия стремилась еще со времен Ленина, теперь якобы настало, «рай на земле» с центральным образом солнцеподобного «непогрешимого и гениального» вождя был создан. Самой важной и, пожалуй, единственной задачей художника было только описание этого воплощенного идеала, то есть состояния застоя. Таким образом Сталину, после проведения, пожалуй, самых радикальных и жестоких преобразований в истории России (коллективизации, индустриализации, Большого террора), удалось «подморозить» страну. Цель, к которой стремились российские консерваторы (К. Леонтьев, К. Победоносцев) была по видимости, и причем в самой неожиданной, а именно тоталитарной форме достигнута революционером Сталиным. Но состояние застоя означает «упадок творчества». Так в 1937 году один из самых оригинальных мыслителей русской эмиграции, Николай Трубецкой (основоположник движения евразийцев) назвал свою статью, в которой он охарактеризовал состояние русской культуры вследствие ее сталинизации. «Люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить», – писал он⁵.

У подавляющего большинства авторов этого сборника сталинская эпоха, объявившая ожесточенную борьбу свободе художественного выражения, пробуждает кошмарные ассоциации. Выступая за свободу художественного творчества, они отождествляют себя с теми историческими периодами, когда имел место не «упадок», а «прорыв» творческой энергии, и открывают при этом наряду с «серебряным веком» также и средневековую Россию, прежде всего ту эпоху, которая отмечена такими личностями, как Преп. Сергей Радонежский и Андрей Рублев. Тот факт, что ряд ведущих российских интеллектуалов (поэтесса О. Седакова, композитор В. Мартынов и др.) ищут в средневековье импульсы для некоторых проблем современности, на первый взгляд может показаться удивительным. Может быть, мы сталкиваемся здесь с типично российским феноменом? Едва ли. Нельзя

---

⁵ Трубецкой, Н. Упадок творчества // История, культура, язык. Москва, 1995. С. 444-448, здесь с. 446.

забывать, что еще несколько десятилетий назад ведущие немецкие интеллектуалы – поборники «консервативной революции» в Веймарской республике – тоже пытались исцелять «болезни» современности с помощью средневековых идеалов, например, посредством старой германской имперской идеи.

Но с одной разницей: идеализация средневековой Германской империи сторонниками «консервативной революции» была, как правило, связана с политическими фантазиями мирового господства. Воспоминания о гегемонии тогдашней империи было призвано смягчать страдания, вызванные поражением в Первой Мировой войне и легитимировать реваншистские планы в отношении стран-победителей. Берлинский историк Генрих Август Винклер писал в этой связи: «[Ренессанс имперской идеи в Веймарской республике начала тридцатых годов] как правило шел рука об руку с признанием идеи великодержавности, а зачастую и со всеобъемлющей идеей пангерманизма»⁶.

Так что программы веймарской «консервативной революции» напоминают таковые нынешних российских «национал-патриотов», которые не могут смириться с поражением Советского Союза в холодной войне и впадают в ностальгические воспоминания о бывшем величии России.

Совсем другие ассоциации связывают с прошлым Ольга Седакова, Владимир Мартынов и другие авторы сборника, которые ищут в прошлом творческое вдохновение. Их завораживает не имперское высокомерие, а христианское смирение, воплощенное, к примеру, в иконах Андрея Рублева, а еще более «прорыв творческой энергии», наблюдавшийся в России конца 14-го – начала 15-го веков примерно так же, как в «золотой» и «серебряный век».

Можно ли провести какие-либо параллели между эпохой Андрея Рублева и эпохой Александра Пушкина или Александра Блока? На первый взгляд этот вопрос кажется неуместным, ибо огромные различия между этими периодами очевидны. Но при более внимательном рассмотрении все же бросается в глаза определенное сходство.

И в ту, и в другую эпоху Россия, восприняв культурные импульсы извне (в первом случае из Византии, во втором с Запада), вновь возвращалась к себе, фаза подражания окончательно проходила и русская культура обретала свои собственные узнаваемые черты. Они находили свое отражение в «Троице» Андрея Рублева или в произведениях Пушкина, Достоевского, Толстого, Блока, Соловьева, Кандинского, Скрябина и других художников. В обе эпохи в России начинались поиски собственных ответов на вопросы, которые изначально были поставлены в других центрах культуры. Но эти поиски каждый раз резко обрывались. В одном случае причиной этого было триумфальное шествие «иосифлянства» с его апофеозом московской государственности,⁷ а в другом – большевистская и сталинская революция.

---

⁶ Winkler, H. *Der lange Weg nach Westen: Deutsche Geschichte vom Ende des alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik*. München, 2002. Vol. 1. P. 524.

⁷ См. Карташев, А. *Очерки по истории русской церкви*. Париж, 1959. Т. 1.

После падения Константинополя Москва выступала для многих русских мыслителей и государственных деятелей как непреходящий «Третий Рим», цитадель чистой веры, как «Государство правды» – иными словами, как образ Царства Божия на земле. Поиски идеала – по мнению одного из авторов этого сборника (В. Непомнящего) сущностная черта русской культуры – были, в сущности, запрещены сверху. «Диссиденты», такие как Максим Грек и князь Андрей Курбский, не желавшие прекращать поиски истины и в «Государстве правды», были объявлены преступниками. Это исключение отщепенцев не могло остаться без последствий. Пребывающее в самодовольстве Московское царство, основанное на бюрократическом контроле, начало загнивать. Для преодоления «застоя» были срочно необходимы внешние импульсы, и откуда еще они могли прийти, если не с Запада – с другой половины христианской эйкумены?

Эта ситуация, в которой Россия находилась накануне петровских реформ, поразительно напоминает положение Советского Союза непосредственно перед началом горбачевской перестройки. С одним отличием: заимствование западных моделей развития только укрепило существующую государственность в петровской России и сделало ее более конкурентоспособной в соревновании с другими европейскими великими державами, а Советский Союз, наоборот, не смог справиться с открытостью внешнему миру и развалился. Те, кто испытывает тоску по империи, видят в этом развале своего рода апокалипсис, в таком духе высказываются и многие авторы этого сборника. А другие, напротив, видят в роспуске патерналистских советских структур, герметически изолировавших Россию от внешнего мира, уникальный шанс как для России, так и для Запада. Раздел, столь болезненный и роковой для обеих частей континента, закончился. Запад и Восток опять могут почти беспрепятственно общаться и взаимно оплодотворять друг друга, как это уже имело место после выхода России из изоляции в результате петровских реформ.

В свое время Владимир Вейдле следующим образом охарактеризовал дело Петра: замысел Петра носил исключительно технократический характер. Он отождествлял культуру с технократической цивилизацией. Однако, восстановив единство христианского мира, он интуитивно выбрал самый плодотворный путь для развития русской культуры. Отход от Европы для России невозможен, ибо она, приняв христианство, стала неотъемлемой частью европейской культуры. Но и для Запада потеря России могла бы иметь непредсказуемые последствия, ибо Россия после падения Византии воплощает восточное христианство, от которого Запад постоянно получал импульсы для своего обновления. Как русских, так и западных изоляционистов, которые хотят разделить непроницаемой стеной обе части Европы, а Россию изгнать в Азию, Вейдле считает упрощенцами, обедняющими понятие Европа и утратившими понимание сложности европейской культуры⁸.

---

⁸ Вейдле. Задача России.

Эти слова, написанные в 1956 году, и по сей день звучат очень актуально. Русская культура просыпается от долгого «догматического сна», в который ее погрузили коммунистические функционеры. Родина победоносной диктатуры пролетариата, «Мекка» угнетенных всего мира наконец-то «расколдована», подобно тому, как триста лет назад Петр Первый расколдовал Москву – нетленный «третий Рим». После петровского отказа от российского «особого пути» страна получила шанс накладывать свой отпечаток на дальнейшее развитие европейской культуры в целом. Вопрос о том, какие последствия будет иметь новое вхождение России в «общеевропейский дом», пока остается открытым. Но то, что общий путь обеих частей континента после 70 лет раскола будет плодотворным и увлекательным, можно по крайней мере отчасти почувствовать на основе собранных в этом сборнике тридцати точек зрения.

Данный сборник возник в рамках проекта «Культурное развитие постсоциалистической России: Модели и традиции». Этот проект, который Алексей Рыбаков подробнее представит в своем послесловии, финансировался Баварской исследовательской ассоциацией «Восточная Европа» (Форост), которой я хочу выразить свою самую сердечную благодарность за великодушную поддержку.

Перевод с немецкого: Лариса Лисюткина